

ПАЛЛАДИЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА

**ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА
В КОРПУСЕ СЛАВЯНО-РУССКИХ КНИГ XI ВЕКА**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2009

Работа выполнена на кафедре истории русского языка и языкознания государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина»

Научный руководитель: доктор филологических наук профессор
Жолобов Олег Феофанович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Баранов Виктор Аркадьевич

кандидат филологических наук доцент
Николаева Наталья Геннадьевна

Ведущая организация: **Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева**

Защита состоится « 17 » февраля 2009 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 доктора и кандидата филологических наук при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина»

Автореферат разослан « ____ » января 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

Т.Ю.Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современном историческом языкознании пристальное внимание уделяется славяно-русским текстам¹. Изучение славяно-книжных памятников XI в. дает возможность приблизиться к исходной системе грамматических форм, а также выявить некоторые нарождающиеся тенденции в развитии литературного языка. Это возможно сделать только при использовании исчерпывающих баз данных. Поэтому вслед за появлением в 2004 году Национального корпуса русского языка историческое языкознание также обратилось к базовым принципам корпусной лингвистики.

Актуальность работы определяется необходимостью исчерпывающего изучения памятников XI в., которое становится возможным благодаря использованию корпусного материала целого хронологического среза и компьютерно-статистическому анализу текстов, а также обуславливается важностью исследования той исключительной роли механизмов грамматического варьирования в древнерусском языке, которую отражают данные, извлеченные из текстов XI в.² Актуальность обращения к данной теме объясняется особенностями корпуса именных форм единственного числа (далее – ед.ч.) славяно-русских памятников XI в. Анализ именных форм ед.ч. 1) дает возможность представить состояние языковой системы XI в. и предшествующей ему эпохи; 2) углубляет знания о старославянском языке, так как древнерусские книги XI в. – это копии со старославянских книг; 3) позволяет увидеть, что представляла собой древнерусская книжная норма, которая именно в это время – в конце XI в. – закладывается; 4) дает возможность выявить инновации в исходной системе именных форм ед.ч.

Практически в любой лингвистической работе, посвященной проблемам развития русского языка, в большей или меньшей мере привлекаются данные церковнославянских рукописей XI в. (см., например, труды классиков

¹ Понятие «славяно-русские источники» употребляется как сокращенное соответствие понятия «церковнославянско-древнерусские источники» [Крысько 2003: 337].

² Необходимо пояснить используемый в диссертации термин «вариативность (вариантность)». Термин «вариант» по отношению к разнофлективным показателям одного падежа предпочитается термину «синоним». Понятие вариативности (вариантности) является гиперонимом по отношению к понятию синонимии. Вариативность обусловлена сосуществованием исконных форм и инноваций и далеко не всегда предполагает (как синонимия) взаимозаменяемость единиц. Этот термин важен еще и потому, что именно вариативность речевых единиц на разных уровнях является наиболее характерной особенностью древнерусской литературной нормы.

исторического языкознания – А.Х.Востокова, Н.Н.Дурново, А.И.Соболевского, А.А.Шахматова, а также работы современников – В.А.Баранова, Е.М.Верещагина, О.Ф.Жолобова, В.В.Колесова, В.Б.Крысько, В.М.Маркова, Г.А.Хабургаева и др. Отдельно на материале памятников XI в. некоторые аспекты именного склонения ед.ч. рассматривались только в работах Е.Ш.Мирочника [Мирочник 1967, 1969, 1974]. Во всех томах «Исторической грамматики древнерусского языка» присутствует раздел, описывающий исходную систему форм на основе источников именно XI в., но в целом именное склонение ед.ч. пока осталось вне рамок данного важного проекта (см. [Иорданиди – Крысько 2000; Жолобов – Крысько 2001; Кузнецов – Иорданиди – Крысько 2006; Жолобов 2006]).

Объектом исследования в настоящей работе является именное склонение единственного числа в книжном древнерусском языке XI в.

Предметом анализа послужили грамматические и жанрово-стилистические аспекты функционирования вариативных форм именного склонения единственного числа на материале корпуса славяно-книжных источников XI в.

Цель настоящего диссертационного исследования заключается в описании вариативных форм именного склонения единственного числа, его комплексное лексико-грамматическое и функционально-стилистическое изучение. Для достижения поставленной цели содержание диссертационной работы ориентировано на решение следующих **исследовательских задач**:

- определить состав лексем, образующих вариативные формы 1) в дательном падеже ед.ч. (далее – ДП) в склонении имен на *-ǫ, *-jǫ, *-ĩ и *-ũ; 2) в родительном и местном падежах ед.ч. (далее – РП и МП) в склонении имен на *-ǫ и *-ũ; 3) в творительном падеже ед.ч. (далее – ТП) в склонении имен на *-ǫ, *-jǫ и *-ũ;
- установить общеграмматические, семантические и морфосинтаксические условия функционирования вариативных форм;
- подвергнуть рассмотрению жанрово-стилистические условия распределения вариативных форм;
- оценить динамические тенденции в варьировании флексий от начала к концу исследуемого периода;

- дать исчерпывающую статистику употребления вариативных форм в корпусе славяно-книжных источников XI в.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В именном склонении текстов XI в. обнаруживается 3 типа варьирования праславянского возраста, ранняя мотивированная вариативность в ДП ед.ч. и разновидности формальной вариативности в РП, МП и ТП ед.ч.

2. Морфонологическая структура флексий оказывает значительное влияние на вариативность падежных форм.

3. Рано начавшийся процесс варьирования в ДП ед.ч. оказал поддержку варьированию в других падежных формах.

4. Вариативность во всех случаях имеет генетическое основание, а ее развитие обусловлено лексико-грамматическими, синтаксическими либо общеграмматическими факторами.

5. В исследуемых текстах наблюдается распространение восточнославянских форм ТП ед.ч. на *-ьмь* (*-ьмь*), *-имь*, которые становятся приметой древнерусского книжно-литературного языка. Инновацию отражают примеры, подтверждающие отвердение губного согласного в древнерусском языке XI в.

6. Количество лексем, употребляющихся с вариативными формами в ДП, РП и МП, ТП ед.ч., в разных памятниках представлено неравномерно с преобладанием отдельных маркированных вариантов в литургических текстах (в служебных Минеях и Евангелиях).

Материалом исследования послужил электронный корпус всех сохранившихся древнейших славяно-книжных рукописей древнерусского письма XI в. (20 памятников). Доступ ко всем текстам древнерусской книжности XI в. стал возможен благодаря научному проекту «Trondheim-Sofia Corpus of Old Slavic» создания электронного корпуса древнейших рукописей XI в.³ Кроме материалов электронной базы «Trondheim-Sofia Corpus of Old Slavic», в исследовании используется интернет-издание Путятиной Минеи, созданное группой лингвистов и программистов Удмуртского университета⁴.

³ Подробнее о проекте «Trondheim-Sofia Corpus of Old Slavic» и электронный доступ к текстам см. <http://mime.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus>

⁴ См. материалы электронного ресурса www.manuscripts.ru.

Электронный корпус славяно-русских книг XI в. состоит из 20-ти неравнообъемных текстов церковно-книжного стиля с рядом жанровых подтипов. В данной диссертационной работе приводится жанровое разбиение памятников, в основу которого положены классификации А.М.Камчатнова и Н.А.Мещерского.

1. Литургические памятники: *Евангелия*: 1) Остромирово евангелие 1056–1057 гг., 294 л. (ЕвО)⁵; 2) Архангельское евангелие 1092 г., 178 л. (ЕвА); 3) Туровское евангелие, 10 л. (ЕвТ); ***Минеи***: 4) Минея служебная, сентябрь, 1095–1096 гг., 176 л. (Мин с.); 5) Минея служебная, октябрь, 1096 г., 127 л. (Мин ок.); 6) Минея служебная, ноябрь, 1097 г., 174 л. (Мин н.); 7) Минея служебная, май, Путятинна минея, 135 л. (МинП); 8) Минея служебная, июнь, Минея Дубровского, 15 л. (МинД).

2. Агиографические памятники: 9) Житие Кондрата, 2 л. (ЖК); 10) Житие Феклы, 2 л. (ЖФ); 11) Патерик синайский, 184 л. (ПС).

3. Религиозно-дидактические памятники: *Изборники Святослава 1073 и 1076*: 12) Изборник Святослава 1073 г., 266 л. (Изб 1073); 13) Изборник 1076 г., 277 л. (Изб 1076); ***Толковые псалтыри***: 14) Бычковская псалтырь, 9 л. (ПсБ); 15) Евгеньевская псалтырь, 22 л. (ПсЕ); 16) Чудовская псалтырь, 176 л. (ПсЧ); ***Учительная литература***, в том числе ***произведения торжественного красноречия***. К этому жанру относятся книги смешанного характера, так как они включают в свой состав разделы богословского, церковно-исторического, проповеднического и назидательного содержания: 17) Листок Викторова, 1 л. (ЛВ); 18) Пандекты Антиоха черноризца, 310 л. (ПА); 19) Златоструй Бычкова, 4 л. (ЗлБ); 20) Тринадцать слов Григория Богослова, 377 л. (ГБ).

Научная новизна исследования состоит в том, что в диссертации впервые дается комплексная характеристика всего массива вариативных форм в ДП, РП и МП, ТП ед.ч. в синхронно-диахронном освещении на материале электронного корпуса славяно-книжных источников XI в., а также анализируются известные и предлагаются новые решения вопросов, связанных с развитием вариативности. Впервые предпринимается попытка морфосинтаксического анализа вариативных

⁵ В скобках приводятся сокращения источников, используемые в диссертационной работе.

форм и некоторых восточнославянизмов, ранее не рассмотренных в научных исследованиях (формы ТП ед.ч. типа *лицьмъ*, *камениимь*).

Методологическая основа исследования. В работе над диссертационным исследованием применялись диахронический, описательный, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, количественный (статистический) методы, а также элементы структурного анализа⁶.

Теоретическое значение исследования. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при разработке проблем внутриуровневого и межуровневого взаимодействия в языковой системе. Кроме того, без полного описания вариантных падежных форм имен существительных невозможно создать многоаспектные теоретические и практические курсы академической и вузовской исторической морфологии.

Практическое значение исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в вузовском преподавании: при разработке и чтении общих лекционных и специальных курсов по исторической грамматике, лексикологии и стилистике, по истории русского литературного языка.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были отражены в докладах на следующих конференциях: 1) научная конференция Казанского государственного университета «Русская и сопоставительная филология» (Казань, февраль 2006 г.); 2) Международная научная конференция «В.А.Богородицкий: научное наследие и современное языковедение» (Казань, 4–7 мая 2007 г.); 3) научная конференция Казанского государственного университета «Русская и сопоставительная филология» (Казань, февраль 2008 г.); 4) Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2008» (Москва, 8–12 апреля 2008 г.); 5) Международная научная конференция «Языковая семантика и образ мира» (Казань, 20–22 мая 2008 г.).

⁶ Применение статистического метода осуществлялось с помощью средств компьютерной обработки, что стало возможным благодаря наличию шрифта электронного корпуса *SyggillicaVgEpigraph*. В связи с этим хотелось бы выразить благодарность Софийскому университету им. св. Климента Охридского, в частности Цветане Ралевой и Анне Липовской, за помощь в получении шрифта из Болгарии от составителей исследуемого электронного корпуса.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, вводной теоретической части, трех глав основной части, заключения, библиографического списка и семи приложений.

Работа выполнена в рамках научного проекта "Лингвотекстологические и корпусные исследования грамматической семантики древнерусского текста", 2.1.3/2987 (аналитическая ведомственная целевая программа "Развитие научного потенциала высшей школы" Федерального агентства по образованию РФ).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор и актуальность темы, определяется научная новизна работы, обуславливается выбор материала, формулируются цели и задачи, раскрывается методология исследования, определяется теоретическая и практическая значимость диссертации, указываются сведения об апробации научных результатов.

Во вступительной части диссертации **«Вводные теоретические замечания»** определяется теоретическое основание данного лингвистического исследования и анализируются ключевые грамматические понятия, задействованные в работе.

В параграфе **«Принципы диахронической морфологии»** описываются базовые положения диахронического исследования, сформулированные В.К.Журавлевым: 1) *принцип причинности* – причинно-следственная связь между элементами функционирующей (и функционировавшей) системы на оси лингвистического времени; 2) *принцип системности* – осознание системного устройства объектов исследования, перенесение внимания с субстанции на структуру (И.А.Бодуэн де Куртенэ и Ф.Ф.Фортунатов) [Журавлев 1991: 10–34]. Руководствуясь стремлением создать систематизированную картину функционирования вариативных флексий в древнерусском языке XI в., мы анализировали флективные оппозиции во взаимодействии и взаимовлиянии. Этим и обусловлена последовательность представления материала: ДП, РП и МП, ТП ед.ч. Такая последовательность позволяет в конечном итоге четче сформулировать взаимосвязь и взаимовлияние разных падежей, хронологию возникновения и развития вариативных форм.

Написание параграфа «**Теоретические основы грамматической категории падежа**» было вызвано необходимостью обозначить точку зрения, которой мы придерживаемся в понимании сущности этого сложного грамматического явления. Вся многовековая история развития теории падежа свидетельствует о том, что лингвистика, несмотря на серьезный вклад многих исследователей в ее разработку, все еще далека от того, чтобы поставить точку в этом весьма сложном грамматическом вопросе. Придерживаясь традиционного понимания сущности падежа, исходящего из внешнего, морфологического различия, которому соответствует смысловое или синтаксическое различие, мы определяем семантико-синтаксическое значение падежного употребления, отталкиваясь от контекстуального окружения анализируемой словоформы.

В каждой главе диссертационной работы для решения поставленных задач используется единый алгоритм анализа: вариативные формы исследуются в трех аспектах (генетическом, функционально-грамматическом и жанрово-стилистическом) и с позиции трех различных лингвистических подходов (лексико-грамматического, семантико-синтаксического и общеграмматического).

В первой главе диссертационного исследования «**Функционирование дательного падежа на -у (-ю) и -ови (-еви) в памятниках XI в.**» анализируется дистрибуция вариативных форм ДП ед.ч., определяется исчерпывающий перечень инновационных словоформ, устанавливаются причины и условия их возникновения.

Функционирование ДП ед.ч. на *-ови (-еви)* и *-у (-ю)* имен с основами на *-*ǫ* и *-*ǫ̆* периодически становилось предметом рассмотрения в научных исследованиях. Существующие в научной литературе гипотезы опираются на три разных подхода, которые дополняют друг друга: 1) традиционный подход основывается на семантической характеристике имен с окончанием *-ови (-еви)* (он может конкретизироваться диалектными данными по распространению соответствующих форм) [Соболевский 1907; Шахматов 1957]; 2) второй подход представлен анализом контекстов с ДП на *-ови (-еви)*, и он наиболее уязвим для критики, потому что сфокусирован только на определенном типе контекстов [Еселевич 1964]; 3) третий подход базируется на факторах общеграмматического

характера, которые, однако, скорее способствовали сохранению варьирования в ДП, чем являлись его причиной [Хабургаев 1990; Шульга 2003]. В то же время различия в приведенных интерпретациях указывают на то, что варьирование в ДП ед.ч. могло быть обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами, а не каким-то одним. К сожалению, не были обнаружены работы, посвященные вариантам ДП ед.ч. собственно в XI в. В них, как правило, используются примеры, связанные с разновременными источниками. Исходя из этого, мы поставили перед собой цель определить полный состав вариативных форм в ДП ед.ч. и выяснить условия их распределения с позиции трех подходов: лексико-грамматического, семантико-синтаксического и общеграмматического.

1. *Лексико-грамматическая характеристика ДП ед.ч.* В книгах древнерусского письма XI в. очерчивается круг лексем, которые в ДП могут получать окончание *-ови (-еви)*. Эти существительные делятся на две группы: определенно-личные и неодушевленные, предметные имена.

I. Определенно-личные имена

А. Собственные имена. В памятниках XI в. формы на *-ови (-еви)* в *одушевленных собственных именах* обнаружены 165 раз, что составило 39% от общего количества примеров на *-ови (-еви)* (422 формы): *Ивѣраимовн* 254d–255a ЕвО (1), *Петровн* 37a ЕвА (12), *Тимоѡковн* 1a ЛВ (3) и т.д.⁷ Имена собственные обозначают конкретные лица христианской литературы и истории, следовательно ДП ед.ч. на *-ови (-еви)* первоначально распространялся, получая значение определенного лица.

Б. Наричательные имена. 1) Последовательно встречаются в памятниках XI в. *одушевленные личные имена с флексией -ови (-еви)* (187 примеров, что составило 44,3% от общего количества форм с *-ови (-еви)* (422 примера): *архнѣровн* 178a ЕвО (8), *вннарѣвн* 289b ЕвО (1), *чрътожьннковн* 158b ГБ (1) и т.д.; 2) *имена со вторичным лично-собирательным значением*: *градовн* 109b Мин с. (1) – пространственно-локативное значение совмещено со значением лично-собирательным ('жители, население'), как и в следующих случаях: *домовн* 156b ПА (1), *нзраилевн* 159b Изб 1076 (5), *мирови* 3b МинД

⁷ В скобках указано количество форм, встретившихся в корпусе текстов XI в.

(42 формы, или 10% всех форм на *-ови*); 3) *имена с метафорическим олицетворением* (согласно определению, которое использовал для данного явления В.М.Марков) – это мифологически одушевленные имена: *в'ксъ* 41a–41b ПС (1) – злой дух, который может являться в образе человека; *змнн* 155с ГБ (1) – метафорическое название дьявола.

II. Неодушевленные, предметные имена

Значительно реже – лишь в 19 случаях (5%) – в текстах XI в. окончание *-ови* (*-еви*) представлено в неодушевленных нарицательных именах, поэтому они не могут быть показательными, являясь свидетельством собственно формального давления новых форм ДП, которые были довольно выразительными, поскольку окончание *-ови* (*-еви*) выделялось необычным для форм ед.ч. трехфонемным составом (исключение составлял ТП ед.ч., имевший также сложное строение): *гласовн* 158b ГБ (1), *дъневи* 3a–3b ГБ (1), *коневн* 2 Изб 1073 (1), *мечевн* 101b Мин н. (2), *моревн* 107d ГБ (2), *огневи* 116.1 МинП (9), *олтаревн* 167d ГБ (1), *поковн* 23a Мин с. (1), *псалъмовн* 9d ПсЕ (1).

Поскольку в книжном языке вариативность выступает как конституирующий элемент текста, чередование форм на *-у* (*-ю*) и *-ови* (*-еви*) может иногда приобретать формальный характер (когда варьирование форм основывается только на формально-грамматических показателях: тип основы, грамматический род), однако мотивационное основание ДП ед.ч. на *-ови* (*-еви*) не размывается. Лексико-грамматический разбор вариативных форм ДП ед.ч. позволил убедиться в том, что флексия *-ови* (*-еви*) является морфологической проекцией лексического значения конкретного, определенного лица, которым обладает сама лексема (собственные, личные имена). Следует отметить, что в XI в. отвлеченное личное значение еще отсутствует. Категория лица окончательно сложилась только в XIII–XIV вв., что, возможно, и стало толчком к постепенной утрате ДП на *-ови* (*-еви*) (см. [Азарх 1984: 125; Жолобов 1998б: 159; Крысько 1994: 10]).

2) *Семантико-синтаксическая характеристика ДП ед.ч.* Семантико-синтаксический подход ориентирован на установление возможной связи ДП на *-ови* (*-еви*) с определенными семантико-синтаксическими разновидностями ДП.

Проанализировав материал ДП на *-ови (-еви)* с опорой на классификации А.Б.Правдина и К.И.Ходовой, мы выделили следующие типы семантико-синтаксических значений [Правдин 1956; Ходова 1963]:

Приглагольное употребление

1. ДП адресата сообщения или объекта общения (при глаголах речи): А) ДП беспредложный: (1) адресат сообщения: *пнде ф҃улигъ н гла андрѣовн* 86b ЕВА; (2) объект общения: *нъ помолн сѧ г҃вн* 186 Изб 1073. Б) ДП предложный: (1) адресат сообщения: *платъ же пакы гла къ іс҃вн* 128a ЕВА; (2) объект общения: *помолнвъ сѧ къ г҃вн* 46a Изб 1076.

2. ДП объекта, к которому движется, приближается субъект, или ДП направления (при глаголах движения): А) ДП предложный: *Въ онѣ^ѣ улѣвкѣ итерѣ престоупи къ іс҃вн* 37b ЕВА; Б) ДП беспредложный: *Въ врѣмѣ оно послѣдовааше нѣсовн народѣ мѣногѣ* 245c–245d ЕВО.

3. ДП адресата предоставления: (1) ДП при глаголах даяния, наделения: *тѣгда гла нигъ въздаднѣ кѣсарѣва кѣсарѣвн* 42a ЕВА; *богородница ради даро҃уга мнрѣвн велню мѣстѣ* 3b Мин с.; (2) ДП при глаголах, значение предоставления у которых совмещено со значением пространственного перемещения: А) ДП беспредложный: *всѣмъ молитвы пріѣмлушти ісоусови своѣмоу прѣчистага приноси молитвы о поижштихѣ* 87.2 МинП; Б) ДП предложный: *аще къ нрѣдовн прнведенъ вждешн* 161d ГБ.

4. ДП адресата причинения: *лѣжа во враговн ключнѣ сѧ* 138d ПА.

5. ДП адресата отношения: *н жнвота съподовн сѧ х҃вн предѣстога* 107a Мин ок.

6. ДП в конструкциях с глаголом *вѣсти* и именем существительным (близко приименному употреблению): *таже вѣста овѣщѣннѣ снмоновн* 90b–90c ЕВО.

7. ДП субъекта (ДП субъекта действия в безличном предложении): *Въ онѣ^ѣ бысть вѣннѣтн іс҃вн въ домѣ итера кѣназѣ фарнѣнска* 64b ЕВА.

Приименное употребление

• ДП принадлежности: *зѣ мѣца тѣ^ѣ стѣра стѣбмоу харалампіевн н пантелеонтоу* 224a ЕВО; • ДП цели при отвлеченном имени (ДП беспредложный при

существительных, обозначающих процесс действия): *мировн оупъване идна бѣда нз неплодъве н бещадьнън происходить* 51b Мин с.

Таким образом, имея в виду 1) свободный характер варьирования, 2) частотность употребления ДП на *-ови (-еви)* в отдельных семантико-синтаксических типах и 3) характер субъектно-объектных отношений в рамках предложения, допустимо считать, что ДП на *-ови (-еви)* тяготеет прежде всего к выражению неслучайной, тесной связи или взаимодействия субъекта и объекта-адресата. Такой вывод перекликается с предположениями И.Э.Еселевич и В.В.Колесова о значении принадлежности у ДП на *-ови (-еви)*, но, думается, существенно дополняет и уточняет их (см. [Еселевич 1964: 267; Колесов 2005: 255]).

3. В связи с третьим, *общеграмматическим подходом*, который опирается в вопросе варьирования ДП ед.ч. на родовую обусловленность дистрибуции форм, можно предположить, что в общеграмматическом плане взаимодействие типов склонения в ДП ед.ч. связано не столько с развитием категории лица, сколько с развитием категории рода, а именно мотивированного мужского рода.

Итак, морфонологические и контекстуально-семантические особенности инновационной флексии ДП ед.ч. свидетельствуют о том, что 1) ДП на *-ови (-еви)* способствует контекстуальной определенности, становясь фактором «семиотизации формальных различий» (см. [Успенский 1988: 259]); 2) ДП на *-ови (-еви)* широко распространен за рамками основ на *-й, к которым он восходит, и его развитие началось значительно раньше распространения РП и МП на *-у (-ю)*; 3) вариативные флексии ДП ед.ч. *-ови (-еви)* и *-у (-ю)* образовали своеобразную градационную оппозицию непривативного характера, в которой ДП ед.ч. на *-у (-ю)* является нейтральным членом, а ДП на *-ови (-еви)* – семантически маркированным; 4) динамика распространения флексий свидетельствует об увеличении количества форм ДП ед.ч. на *-ови (-еви)* в раннедревнерусский период.

Во второй главе диссертационного исследования «**Функционирование родительного падежа на *-а/-у* и местного падежа на *-ѣ/-у* в памятниках XI в.**» определяется степень сформированности явления вариативности флексий РП и МП ед.ч. в древнерусском языке XI в.

В процессе поиска словоформ, вступающих в оппозиционные отношения в РП ед.ч. *-a/-y* и в МП *-ъ/-y*, был выявлен круг лексем смешанного склонения на **-ǫ/*-ǫ̃* с преобладанием имен с бесспорной основой на **-ǫ̃*: 1) бесспорные имена основ на **-ǫ̃*, перешедшие в праславянский язык из индоевропейского праязыка: *врѣхъ*, *домъ*, *медъ*, *миръ*, *полъ*, *сынъ*; 2) вероятные имена основ на **-ǫ̃* с колеблющимся склонением на **-ǫ* и на **-ǫ̃*: *родъ*, *чннъ*. Этот «новый тип склонения» в дальнейшем стал отправной точкой в семантизации формально-морфологических различий и распространился на новые лексические единицы.

Слова с окончанием *-y* в РП и МП ед.ч. образуют компактную *лексико-грамматическую группу* (за исключением слов *волъ*, *сынъ*), объединенную значениями неконкретной предметности или неисчисляемости, и в этом состоит залог ее устойчивости и деривационный потенциал. Выявленные *семантико-синтаксические значения* вариативных и безвариантных словоформ в РП и МП ед.ч. свидетельствуют о том, что лексико-грамматическая специфика предопределяет характер семантико-синтаксической составляющей в динамике форм на *-y*. В *общеграмматическом плане* следует отметить морфонологическую невыразительность флексии *-y*, поскольку ее распространение создает новый тип падежного синкретизма (полного или частичного ввиду акцентных расхождений) – РП-ДП-МП-(ЗП). В то же время данная парадигмальная схема на определенном этапе развития могла быть востребована как показатель мужского рода. Подобная модель синкретизма может служить самостоятельным, независимым источником инноваций и развития вариантности – в двух направлениях: как в направлении преодоления синкретизма (ДП на *-ови* вместо *-y*), так и в направлении его лексико-грамматического расширения (новые лексемы, оформляющиеся посредством флексии *-y* в РП-МП-ДП).

В исследуемых источниках встречаются главным образом примеры формального взаимодействия вариантных флексий РП ед.ч. и МП ед.ч.: РП ед.ч. 1908 форм на *-a* // 89 форм на *-y* (5%), в МП ед.ч. 1001 форма на *-ъ* // 118 форм на *-y* (10,5%). В РП и МП варьирование в этот период целиком основывается на формально-грамматических показателях: РП ед.ч. – *врѣхѡу* 165а ЕВА / *врѣха* 282а ГБ,

чннот 16а ПС / чнна 241с ГБ; МП ед.ч. – домот 54.1. МинП / домк 36в Изб 76, мнрот 248в Изб 76 / мнрфк 129в Мин с., в то время как в ДП уже наблюдается семантизация формальных различий.

Динамика изменений в РП и МП ед.ч. существенно отличается от таковой в ДП ед.ч. Если процесс распространения инновационных форм ДП на *-ови* зашел уже достаточно далеко, что нашло отражение и в большом объеме обнаруженных словоформ на *-ови* (1807 форм на *-у (-ю)* / 422 формы на *-ови (-еви)* (19%)), и в их семантической дифференциации, то образование инновационных форм РП и МП ед.ч. находится в зачаточном состоянии и выражается в начавшемся вытеснении исконных форм **-й-основ*. Несомненно то, что сложившееся рано варьирование в ДП ед.ч. оказывало поддержку варьированию в других падежных словоформах.

Итак, из всего вышеизложенного следует, что вариативность в РП и МП ед.ч. обусловлена а) устойчивостью исконного словоизменительного типа на **-й* и б) смешанного типа на **-й* и **-ё* – судя по всему, исконного; в) не столько распространением окончания *-у* в исконном словоизменительном типе на **-ё*, сколько проникновением флексий *-а* и *-ъ* в исконный тип на **-й*.

В третьей главе диссертации «Восточнославянизмы и древнерусская книжная норма: развитие творительного падежа на *-ьмь/-ьмь* и *-имь*» анализируются диалектные восточнославянские формы в источниках XI в., которые указывают на несомненную раннюю русификацию старославянских прототекстов. Варьирование в ТП ед.ч. м.р. и ср.р. основ на **-ё* и **-јё* представляет собой явление многоплановое. На материале корпуса славяно-русских книг XI в. мы рассмотрели несколько вопросов.

1) Соотношение форм в зависимости от родовой принадлежности имен (противопоставление мужского рода среднему); 2) взаимодействие твердых и мягких форм. Статистическое исследование соотношения древнерусских форм на *-ьмь/-ьмь* в славяно-русских книгах XI в. с точки зрения родовой обусловленности употребления финалей отражает следующие результаты: в текстах обнаружено 679 форм м.р. на *-ьмь/-ьмь* (75%) и 226 форм ср.р. на *-ьмь/-ьмь* (25%) (общее количество имен на *-ьмь/-ьмь* м.р. и ср.р. составило 905 форм). В твердоосновных именах восточнославянизмы значительно преобладают – 85,3%

(м.р. – 622 формы, ср.р. – 150 форм), в мягкоосновных существительных восточнославянизмы представлены в меньшем объеме – 15% (м.р. – 57 форм, ср.р. – 76 форм). Восточнославянское окончание ТП ед.ч. м.р. и ср.р. *-ьмь* проникает в основы на **-ǫ* из основ на **-ǫ̃* раньше, чем окончание *-ьмь* в основы на **-jǫ*. Этот процесс обусловлен как твердостью/мягкостью основы, так и родовой принадлежностью имени. В именах мужского рода восточнославянская инновация *-ьмь/-ьмь* представлена шире, чем у существительных среднего рода.

3) Появление форм на *-имь* с напряженным редуцированным (< **-jь-*).

В научной литературе формы ТП типа *житиимь/житьимь*, как правило, вообще не упоминаются. Таких упоминаний нет, например, в недавно вышедшей фундаментальной монографии М.В.Шульги «Развитие морфологической системы имени в русском языке» [Шульга 2003]. В текстах славяно-русских книг XI в. приметой древнерусского литературного языка (помимо форм типа *кръстѣмь/морьмь*) становятся такие восточнославянизмы, как *житиимь*. Господство форм *житиѣмь/житьѣмь* противоречит распространению в древнерусском языке форм на *-ьмь*, так как в соответствии с формами типа *лицьмь* ожидалось бы развитие форм типа *житиимь* (< *житиij+ьмь*), где оба *-и-* отражают напряженные редуцированные. Это требует объяснения. Их следует считать восточнославянизмами, поскольку они содержат восточнославянское окончание ТП *-ьмь*, в котором после суффикса *-ьj-* закономерно развивался напряженный редуцированный, обозначавшийся буквой *и*: **kamen-ьj-ьть* > *камениимь*. Такие же формы должны были развиваться и у западных славян, поэтому М.Вайнгарт считает ТП типа *житиимь*, *камениимь* моравизмом (см. [Тот 1985: 318]). В связи с употреблением такого ТП встает вопрос о возможном отражении моравской традиции, и он требует отдельного рассмотрения. С другой стороны, в славяно-русских источниках подобные формы отмечаются в текстах, не имеющих определенной связанности с моравским происхождением. Данные статистических подсчетов (сравнительно небольшой процент (4%) восточнославянизмов на *-имь*: *рауѣннѣмь* 114а Мин ок.) подтверждают предположение о преимущественно книжном характере производных лексем на

-ие, -ние, -тие и невысокой продуктивности подобных образований в разговорной речи. Вместе с тем необходимо отметить, что распространению восточнославянизмов типа *житиимь* препятствовали системные факторы. Возникавшие формы изначально теряли выразительность, поскольку оказывались омонимичными формам ТП членных прилагательных типа *горьниимь*. Стяжение гласных только подчеркивало эту близость: *теуениимь*, как *горниимь*. Однако в системе существительных такое фонетическое изменение нарушало морфонологическую целостность основы (*жит'ь-*, *камен'ь-* вместо *житиј-*, *камениј-*), что являлось формальным препятствием в утверждении данных восточнославянизмов. Тем не менее, в XI в. тенденция развития этой инновации была довольно ощутима и наиболее ярко проявилась в Минее Дубровского и в несколько меньшей степени в Пандектах Антиоха.

4) *Отвердение губного согласного в ТП ед.ч.* Статистика соотношения форм с конечным *-мь* и конечным *-мь* (с учетом и существительных, и именных прилагательных) отражает следующие результаты: в текстах насчитывается 3708 форм с конечным *-мь* и 60 форм (2%) с твердым губным⁸. Больше всего форм с твердым губным приходится на литургические памятники и прежде всего на Минеи (39 форм, или 64%: *дѣхъвьнѣмь* *млѣкъмь* 25а Мин с.; *рожьствѣмь* 35b Мин ок.; *соудѣмь* *правдѣнѣмь* 31b, *дарѣмь* 41b Мин н. и т.д.), которые в церковном обиходе использовались повседневно, следовательно, уровень проникновения в них живой речи был выше, чем в других книгах. Отвердение губного в Новгородских служебных минеях подтверждается аналогичным изменением в берестяных грамотах (см. [Янин – Зализняк 1993: 223–227]).

В Заключении обобщаются основные выводы диссертационного исследования.

Благодаря комплексному подходу в изучении функциональности вариативных форм именного склонения ед.ч. (анализ фонетических, морфологических, синтаксических, семантических явлений) в корпусе славяно-

⁸ Общее количество имен на *-ъмь/-ьмь* составило 905 форм; общее количество имен со старославянской флексией *-омь/-емь* составило 686 форм; общее количество имен на *-имь/-ямь* составило 2117 форм.

русских книг XI в. были решены следующие задачи: 1) определен состав лексем *ǫ-, *jǫ-, *ǫ-, *ї-основ, вступающих в вариативные отношения в ДП, РП и МП, ТП ед.ч., и обнаружены факты семантизации формальных различий; 2) установлена взаимосвязь распределения вариантов и жанра письменного источника: все инновационные формы в ДП, РП-МП и ТП ед.ч. (-ови (-еви), -у (-ю), -ьмь (-ьмь), -имь) в количественном отношении доминируют в текстах литургического жанра (в Минеях и в Евангелиях) и в отдельных памятниках религиозно-дидактического жанра (в Изборниках Святослава 1073 и 1076 гг.); 3) выявлены количественные параметры, общеграмматические и морфонологические закономерности в распространении вариативных форм (связь с грамматическим родом, характером основы и составом флексии); 4) установлена зависимость количественных параметров варьирования от хронологической неоднородности источников: такие ранние памятники, как Путятинна минея и Остромирово евангелие, демонстрируют близость старославянской традиции и отражают более архаичное состояние, чем, например, Новгородские служебные минеи и Архангельское евангелие, написанные в конце XI в. Исследование отдельных падежных форм именного склонения выявило как их взаимосвязь со структурой парадигмы, так и расхождения в их парадигмальном статусе, выражающиеся в расширении схем падежного синкретизма или его распадении. Существуют также различия в речевой динамике падежных форм. Большое количество форм ДП ед.ч. на -ови (-еви), обнаруженное в корпусе книг XI в., и единичные примеры на -у в РП и МП ед.ч. наглядно доказали, что процесс варьирования в ДП начался раньше аналогичного явления в РП и МП ед.ч.: развитие нового ДП на -ови должно быть отнесено к праславянской эпохе, а функциональные изменения в РП и МП определенно относятся к письменной эпохе в ее уже сложившемся виде.

Изучение вариативных форм разных падежей на материале одного хронологического периода позволяет сделать выводы обобщающего характера, касающиеся типологии вариативности. В текстах XI в. существует 3 типа варьирования праславянского происхождения: 1) общеславянское варьирование в ДП ед.ч. со сложившейся, развитой функциональной направленностью; 2) общеславянское варьирование в РП и МП ед.ч. с неразвитой функциональностью,

потенциальные характеристики которой будут актуализированы в поздне- и среднерусский период; 3) диалектное варьирование в ТП ед.ч., отражающее восточнославянский узус и лишенное собственной функциональной направленности (если не брать в расчет общеграмматическую связь с развитием категории рода и экспликацию самого факта варьирования как черты книжного языка), потенциальное развитие которой было остановлено падением редуцированных гласных.

Исследование вариативных форм именного склонения в раннедревнерусский период позволило не только выявить соотношение древнерусской литературно-книжной нормы и реальной речевой динамики, но и яснее представить функционирование категории падежа в старославянском языке, а также в языке-предке – праславянском языке.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Палладиева, Ю.В.* Функционирование дательного падежа на -у и -ови в древнерусских памятниках XI века / Ю.В.Палладиева // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2007. – №4. – С. 205–211.

2. *Палладиева, Ю.В.* Грамматическое варьирование падежных форм в корпусе древнерусских книг XI века / Ю.В.Палладиева // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Том 150, кн. 2. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 59–63.

3. *Палладиева, Ю.В.* Развитие древнерусских форм творительного падежа единственного числа в основах на *-ǫ и *-jǫ (на материале славяно-книжных источников XI в.) / Ю.В.Палладиева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Филология. Искусствоведение. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. – № 4. – С. 240–245.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. *Палладиева, Ю.В.* О корпусе древнерусских рукописей XI века / Ю.В.Палладиева // Русская и сопоставительная филология' 2006. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. – С. 196–200.

5. Палладиева, Ю.В. Из наблюдений над развитием категории одушевленности в одноеровых рукописях XI века / Ю.В.Палладиева // В.А.Богородицкий: научное наследие и современное языковедение (Казань, 4–7 мая 2007 г.). – Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. – С. 23–25.

6. Палладиева, Ю.В. К вопросу об отвердении губного согласного в корпусе древнерусских книг XI века / Ю.В.Палладиева // Русская и сопоставительная филология' 2008: Исследования молодых ученых. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 64–69.

7. Палладиева, Ю.В. О роли писца, грамматическом варьировании и корпусной славистике в изучении Древней Руси XI века / Ю.В.Палладиева // Языковая семантика и образ мира: материалы Международной научн. конф., г. Казань, 20–22 мая 2008 г.: в 2 ч. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 127–129.

Подписано в печать 16.01.2009. Формат 60×84 1/16

Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 1,25

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5,

тел. 292-95-68, 292-84-82